

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Некоторые проблемы преподавания видов глагола иностранным учащимся

© кандидат филологических наук А. А. Караванов, 2001

Категория глагольного вида традиционно является одной из самых трудных для иностранцев. Чтобы разобраться в причинах трудностей, стоящих перед иностранцами, необходимо исследование **обратной связи** в преподавании, иными словами – необходим анализ конкретных ошибок иностранцев.

Нам кажется, что ошибки, которые делают иностранцы при употреблении видов глагола, в целом можно свести к трем типам:

- 1) ошибки, связанные с интерференцией родного языка учащегося;
- 2) ошибки, связанные с «гиперкоррекцией»;
- 3) ошибки, связанные с характером интерпретации частных видовых значений.

Что касается интерференции, то эта проблема уже давно и хорошо изучена, ей уделялось достаточно много внимания, и поэтому ее мы здесь рассматривать не будем.

Поэтому переходим сразу ко второй проблеме – проблеме «гиперкоррекции». Приведем два случая из практики.

На одном из занятий мы предложили стажерам ответить на вопрос: какая разница между предложениями *Вы заказали обед?* и *Вы заказывали обед?* Стажеры ответили: надо говорить *заказали* – если есть результат, т. е. обед уже принесли, если он уже стоит на столе, и надо говорить *заказывали*, если нет результата, т. е. если обед еще не принесли.

Разумеется, это неправильный ответ, поскольку обе фразы в равной степени могут быть употреблены в ситуации, когда обед еще не принесли, т. е. когда как бы еще нет результата.

О чем свидетельствует данная ошибка? Она свидетельствует, с одной стороны, о том, что иностранцам уже известны основные значения видов (какими являются значение результата у совершенного вида (СВ) и значение процесса (недостигнутости результата) у несовершенного вида (НСВ)), и это, конечно же, является положительным фактом. С другой стороны, данная ошибка свидетельствует о том, что иностранцы переносят результативное значение СВ и процессное значение НСВ

на такие контексты, где противопоставление результата процессу отсутствует. Ведь результат и процесс – это аспектуальные значения, а в случаях типа *Вы заказали обед?* и *Вы заказывали обед?* мы имеем дело не с аспектуальными, а с модусными, субъективными значениями. Такой перенос известных, хорошо усвоенных видовых значений на контексты, где эти значения не выражаются, и является своего рода «гиперкоррекцией».

Другой пример. Студентам предложили ответить на вопрос, какая разница между высказываниями *Ну, расскажи!* и *Ну, рассказывай!* Студенты ответили, что следует употребить форму НСВ (*Ну, рассказывай!*) в том случае, когда мы ожидаем долгого рассказа, поскольку НСВ выражает значение процессности, длительности; и соответственно, мы должны употребить форму СВ (*Ну, расскажи!*), когда рассказ должен быть коротким. Естественно, что и в этом случае перенесение аспектуальных видовых значений (в частности, процессного значения НСВ) на контекст, для которого аспектуальное противопоставление видов неактуально, оказывается неоправданным и приводит к ошибке.

Вероятно, ошибки такого рода на определенном этапе изучения вида иностранцами неизбежны; в этих ошибках можно видеть и положительную сторону (а именно: то, что студенты хорошо усвоили важнейшие, основополагающие значения видов). Что же касается неоправданного перенесения аспектуальных значений на контексты, которым противопоставление аспектуальной семантики несвойственно, то надо подробно разбирать с учащимися каждый такой случай, и тогда со временем эти ошибки исчезнут.

И, наконец, третий тип ошибок – ошибки, связанные с характером интерпретации частных видовых значений.

Приведем еще один пример из практики. При составлении диалога стажер, предлагая своему собеседнику купить у него словарь, сказал: «Покупайте словарь!» Конечно, он допустил ошибку, поскольку в этой ситуации надо было сказать: *Купите словарь!* Фраза *Покупайте словарь!* естественна при выражении значения не ремы, а темы, например, в таком диалоге: – *Купите новый англо-русский словарь!* – *Но у меня уже есть один. – Этот намного лучше. Покупайте, покупайте, не пожалейте!*

При употреблении императива новая информация, **рема**, вводится совершенным видом, а уже известная информация, **тема**, как правило, выражается несовершенным видом. Когда мы поправили стажера и сказали ему, что здесь надо употребить СВ – *Купите!*, а не *Покупайте!*, он удивился и ответил, что по его мнению, надо было употребить форму НСВ потому, что в императиве именно НСВ выражает значение вежли-

вой просьбы. Таким образом, фраза *Купите словарь!*, вероятно, представлялась ему невежливой.

Разумеется, при выражении значения ремы употребление императива СВ является обязательным. Это правило русского языка. С другой стороны, этому правилу противоречит известный тезис о том, что значение вежливой просьбы выражается императивом несовершенного вида. Этот тезис достаточно широко распространен, хотя вряд ли его можно считать абсолютно бесспорным. Так, А. В. Бондарко, касаясь вопроса об употреблении видов в императиве, говорил, что тут сложно вывести какие-то общие правила и что с каждым императивом нужно работать «поштучно»¹. В. В. Гуревич в своем пособии по видам глагола для иностранцев², опираясь на положения концепции О. П. Рассудовой, убедительно показал, что основной оппозицией видов в сфере императива является оппозиция темы и ремы (а отнюдь не выражение значения вежливой или невежливой просьбы). Нам же важно показать, что в некоторых случаях тезис о выражении значения вежливой просьбы приводит к ошибкам в речи иностранцев³.

Вероятно, когда речь идет о контекстуальных значениях видов, следует исходить из того, что выразителем контекстуального значения является не только вид, а весь контекст в целом, включая ситуацию общения. Тонкие субъективные смыслы, выражаемые формами совершенного и несовершенного вида, во многих случаях бывает невозможно охватить каким-то единым обобщающим определением – типа «значение вежливой просьбы» и подобными. Видимо, для усвоения иностранцами контекстуальных видовых значений им следует запоминать не определение, а весь контекст, представляющий собой микроситуацию. Так, для усвоения основного правила употребления видов в императиве иностранцам следует запомнить не тезис о значении вежливой просьбы, а минидиалог типа: – *Возьмите конфету!* – *Спасибо, не хочу.* – *Берите, берите, не стесняйтесь!* При работе с контекстом очень важна наглядность, а стремление к обобщающим определениям приводит к тому, что это определение «зависает», перестает соотноситься с контекстом. Бы-

¹ Из лекции А. В. Бондарко, прочитанной на аспектологическом семинаре МГУ 23 января 1995 г.

² *Гуревич В. В.* Глагольный вид в русском языке: Пособие для изучающих русский язык. М., 1994.

³ Интересно, что тот же самый стажер в другом случае употребил форму вида в императиве совершенно правильно: желая, чтобы преподаватель спросил одну из стажерок, сделала ли она домашнее задание, он сказал: «Спросите, спросите ее!» Получается, что в тех случаях, когда учащийся задумывается над употреблением видов, пытается употребить их в соответствии с «теорией», он допускает ошибки; когда же он, напротив, употребляет виды спонтанно, интуитивно, опираясь только на собственный языковой опыт (т. е. поступая в данном случае так, как поступает русскоговорящий), он употребляет виды правильно.

вают случаи, когда обобщающее определение не то чтобы противоречит контексту, а просто ничего в нем не объясняет, существует как бы «само по себе». Вот пример из практики. При работе с магистрантами выяснилось, что на одном из занятий их научили правилу употребления видов в императиве, согласно которому НСВ выражает значение непосредственного побуждения к действию. Но при этом магистранты ни привели никаких примеров, вероятно, считая, что главное – усвоить определение. Однако как это определение соотносится с реальной картиной употребления видов в императиве?

Возьмем тот же минидialog: – *Возьмите конфету!* – *Спасибо, не хочу.* – *Берите, берите, не стесняйтесь!* Действительно, можно сказать, что НСВ выражает здесь непосредственное побуждение к действию. Однако ведь и форма СВ (*Возьмите конфету!*) тоже выражает непосредственное побуждение к действию. Вернее будет сказать, что побуждение к действию выражает здесь сам императив, поскольку основная функция этой формы как раз и состоит в выражении побуждения к действию. И еще: что значит **непосредственное** побуждение к действию? Ведь если есть **непосредственное** побуждение, то, очевидно, должно быть и какое-то «опосредованное» побуждение, иначе нет оппозиции, нет семантического противопоставления, и определение неизбежно «зависает».

Хотя в то же время мы понимаем, что в основе определения «непосредственное побуждение к действию» лежит правильное представление о данном контекстуальном значении вида, какая-то особенность этого контекстуального значения здесь очень верно схвачена, очень точно угадана. Однако это очевидно для русскоговорящего и неочевидно для иностранца. Если иностранцу сказать, что и НСВ, и СВ в императиве в равной мере могут выражать значение непосредственного побуждения к действию (а мы должны это сказать, потому что это действительно так), то данное определение теряет для него всякий смысл.

Таким образом, решение проблем, актуальных для практического преподавания видов глагола иностранцам, может быть эффективным не только в плане собственно преподавания; оно позволяет также в немалой степени прояснить реальную картину употребления видов глагола и уточнить современную аспектологическую теорию.